

интуитивного понимания природы. Значительные успехи в науке и скорость их достижения определяются талантом ученого допускать эту бессознательную способность и использовать ее в своих научных начинаниях.

«Творческое бессознательное»

Одним из этапов нашей работы была растущая убежденность в том, что бессознательное не просто источник патологии. Оно также продуктивно и творчески используется здоровым сегментом нашей личности*. Бессознательные процессы определяют не только истерическую походку, но и необходимую для нормальной походки координацию. Они интегрируют и координируют важнейшие жизненные функции организма и, следовательно, включают в себя их неотъемлемое знание. Бессознательное — это больше, чем сухой остаток продолжающихся на протяжении всей нашей жизни подавлений и вытеснений. Оно также координирует наш основной жизненный опыт, который иногда может быть болезненным, но чаще всего конструктивно созидателен. Во многих отношениях правильность и справедливость некоторых основных жизненных процессов зависит от их нахождения в бессознательном**. Сложность простой способности к самостоятельному передвижению, включающему в себя слаженную работу многих специфических мышц, убила бы нашу сознательную способность, если бы та была обременена задачей совершения простого шага. В этом контексте можно вспомнить небольшое стихотворение, описывающее беду сороконожки, утратившей способность передвигаться вследствие коварной просьбы объяснить способ управления ее ногами. Впрочем, способность к передвижению включает в себя процессы, кажущиеся грубыми и элементарными по сравнению с функцией почек, эндокринной системой и клеточным

* Hanns Sachs, "The Creative Unconscious", Cambridge: Mass., Sci-Art Publishers, 1942.

** См.: Heinz Hartmann, "On Rational and Irrational Action», (in Geza Roheim, Ed., "Psychoanalysis and the Social Sciences», II, New York, 1950).

метаболизмом. С такой точки зрения становится предельно ясно, что только бесконечно малая часть наших жизненных функций интегрирована на сознательном уровне.

Многие научные загвоздки объясняются заблуждением, что ничто, кроме рационального, не обосновано. Более глубокое проникновение в суть важнейших жизненных процессов может объясняться нашим более свободным использованием тех уровней нервной системы, в которые данные функции интегрированы изначально. На деле в научном исследовании оно означает более широкое использование и уверенность в бессознательном, что, в свою очередь, является призывом к включению бессознательного в наши эпистемологические теории. На данный момент авторов волнует лишь непосредственное признание важности бессознательного в научном методе. Оно всегда играло центральную роль, даже когда мы этого не сознавали. В попытках познания природы бессознательное является продуктивным коллегой сознательного. Одно лишь знание того, насколько причудливым может быть бессознательное, уже может оказаться преимуществом. Зная об этом, ученому будут более свойственны объективность и осторожность в отношении своей субъективной интуиции. Это может обеспечить не только большую объективность в классическом смысле, но и большую производительность в современном смысле.

В любом разделе биологии человека контроль над наблюдателем требует к себе пристального внимания. В психиатрии, поскольку исследователь наблюдает за человеком во всей его сложности, контроль над ним становится еще критичнее. Допущенное искажение потребовало некоторой модификации методов исследования. Те, кто настаивает на том, что человек не может объективно исследовать человека в полном объеме, уклоняются от решения вопроса. Другие наивно полагают, что пригодные для неорганических явлений способы и методы настолько же применимы и к изучению человека — самой сложной биологической системы. Такое отсутствие подходящего метода лежит в основе нынешней дилеммы в биологических науках, а в особенности в психологических.

В естественных науках большинство революционных открытий не стали механическим и логическим следствием из эмпирических наблюдений и экспериментов. Это были творческие инсайты. Что позволяет ученому,

имеющему перед собой массу фактов, внезапно увидеть связи, которые сделают их значимыми, в то время как другой ученый с таким же набором знаний «не сотворит» новых идей? Должно существовать какое-то решающее различие в том, как эти двое соотносят свои наблюдения с имеющимся у них опытом. Творческий ученый связывает опыт полученных им данных (своих наблюдений) с собственным опытом (своей интроспекцией) недостижимым для нетворческого ученого способом.

Изображения функций нашего организма, скажем, в физиологии моделируются согласно нашей картине окружающего мира, например, кровообращение — в виде гидравлической насосной системы, нервная система — в виде электрической системы связи, а костно-мышечная система — в виде системы естественных рычагов. Мы меньше понимаем физиологические функции, не имеющие готового аналога в физическом мире, например, эндокринную систему. Обратное может быть не столь очевидно.

В какой степени понимание окружающего мира является простой проекцией нашего имплицитного понимания функций собственного тела? Понятие энергии, по-видимому, едва ли отличается от опыта «желания». «Относительность» безусловно принята каждым человеком, даже самым ограниченным, задолго до того, как тот самый «творческий ученый» смог из массы данных трансформировать свое имплицитное понимание в общие правила. Таких корреляций бесчисленное количество. Действительно, если предположить, что у человека имеется некоторое имплицитное понимание своей физиологии, то в его собственном опыте уже присутствует основа для понимания тепла, света, электроники, механики и прочих вещей. В этом смысле наблюдатель и наблюдаемое реально едины. Многие фундаментальные понятия физики и физиологии имеют свои эквиваленты в субъективном, пусть и бессознательном, опыте любого индивида. Все известное известно в основном в результате опыта: непосредственного — во время наблюдения и косвенного — происходящего в самом ученом*. Подобный опыт может оказаться неважным для естественных наук, что вызывает

* *Уайтхед А. Н.* Наука и современный мир // Избранные работы по философии. — М.: Прогресс, 1990. — *Примеч. пер.*

некоторую озабоченность у основных биологических наук, но для наук психологических он приобретает первостепенную значимость.

Объективные наблюдения имеют фундаментальную важность, но именно в психологической науке они мало что значат без честного признания личной составляющей наблюдения. Такой акцент на внутреннем опыте не означает возврата к интроспективным методам ученых XIX века. Сегодня у нас имеется лучший доступ к детерминантам опыта наблюдателя. Более того, мы можем более точно передавать его. Таким пониманием мы в первую очередь обязаны развитию современной психиатрии. Благодаря подобным достижениям обоснованность внутреннего опыта в качестве исходной точки науки гарантирована гораздо больше. Несмотря на такой контроль, тот самый инструмент (внутренний опыт ученых), который может оказаться наиболее полезным и просвещающим, способен привести к большим искажениям и путанице. Тем не менее положительная ценность указанного объективно-субъективного подхода перевешивает присущие ему опасности. Если добросовестное применение алгоритмов естественных наук к более сложным биологическим явлениям продолжает оставаться таким же бесплодным, каким и в прошлом, то необходимо разрабатывать эти новые методы. К каким бы методам в итоге мы ни пришли, важность опыта ученого как конечного источника творческих достижений неоспорима. Поскольку субъективный опыт наблюдателя имеет такое критическое значение, его честное признание и принятие будет предшествовать дальнейшему успеху применения метода.